

мч-2

Беллетристическая схоластика

ния. Они не подозревали даже, что у науки есть свои границы, переходить через которые она не имеет права: они и знать не хотели, что наука может иметь свою цель. «Изучайте природу, чтобы быть ее господином», — сказал Бэкон, и схоластика рухнула. XIX век на стороне Бэкона.

Если читатель знает все это, — тем лучше для него. Но я полагаю, что не лишнее дело напомнить ту точку зрения, которую великие люди нового времени считали за единственно истинную и которая так жестоко осмеивается и пренебрегается в наши дни. Надо будет — я приведу этих иллюстраций множество, буду приводить их прямо дьяконами, а пока позволю себе от нашего молодого схоластического ученого перейти к нашим молодым схоластическим беллетристам. Их много и самым модным и замечательным из них является, конечно, г. Потапенко, 5-ой и 6-ой томы сочинений которого только появились на рынках.

Впрочем, зачем нападать на г. Потапенко? И так уж его имя треплют по всем газетам, и так уже г. Скабичевский заявил как-то, что он, г. Потапенко, не пишет, а шарлатанствует. Я думаю, что за редкими исключениями ни один из молодых беллетристов не свободен от схоластики и схоластических приемов.

Странное дело! Стоить мне только прочесть любое из произведений гг. Ясинского или Потапенки, или некоторые рассказы г. Чехова, или стихи и поэмы г. Мережковского, — как для меня немедленно же становится очевидным, что я имею дело с людьми положительно талантливыми. Хороший, иногда прекрасный язык, блестящий стих, картинность изложения и пр. говорят мне, что люди пишут как следует и даже имеют право писать. Но вместе с тем, за самыми редкими исключениями, я чувствую какую-то неудовлетворенность. Благодарный автору за то, что он дал мне возможность приятно провести время, заинтересовав меня трогательным описанием сердечных мук своих Наташ, Сонечек, Любочек и т. д. — я никак не могу не задать себе вопроса: «к чему собственно все это пишется? А какой кому из этого прок? А не лучше ли было взять и не писать этого и на место описания сердечных мук Наташи дать мне знакомство с таким фактом из жизни, которое мне пригодилось бы как человеку и члену общества». Что говорить, — «занятно» пишет г. Потапенко, только все же эта занятность ничему другому, как времяпрепровождению не помогает. В этой занятости все горе. Ведь даже и схоластическая аргументация могла быть очень занятой, но это несколько не мешало оставаться ей схоластической. Вот если бы наша чита-

ющая публика смотрела на книги и на чтение как на серьезное дело, то и писатели подтянулись бы, потому что и славы им хочется, и денег им надо, да и писать они могут, будучи людьми даровитыми. Но дух безвременья овладел ими, — и в результате: «писатель пописывает, читатель почитывает».

Сущность схоластического приема в беллетристике сводится к тому, что в героев вводятся какой-нибудь неинтересный даже мужчина, а в героиню — какая-нибудь неинтерес-

ная даже дама или барышня вроде Наташи из «Любви» г. Потапенко, или гувернантки из последнего романа г. Лугового. Дальше все идет как следует. Герои и героини попадают в положения иногда глупые, иногда интересные в буквальном смысле этого слова. Идет описание мук, тревожений и страданий. А в результате — всего этого могло бы и не быть.

Не характерны эти произведения и так далеко от науки, как будто писаны они еще во время существования управы благочиния. В то время как западные лучшие беллетристы решают в своих повестях и романах вопросы религии, нравственности, философии — наши схоластики разводят психологическую канитель, скучную и необъятную. В вид иллюстраций — два слова о длинном романе г. Потапенко «Любовь». Блестящая личность — Наташа выходит замуж за странного молодого человека. Странный молодой человек был когда-то преисполнен благородных побуждений и мечтал оспаривать мужичков. Но мужички, как водится, несколько раз поднадули. Странный молодой человек обиделся и почувствовал в душе демоническую ненависть и злобу. Демоническое настроение выразилось, впрочем, в том, что он начал обирать мужичков как липки. Наташа он показался «особенным», «исключительным», «героем». Влюбившись в него, она как следует повинуется и потом задумала переродить своего муженька при помощи всепроникающей любви. Следишь сны ревности, супружеских ссор, родиль, крестин, болель. Наконец странного молодого человека, как и следует, перерождается и перестает драть мужичков.

Я прошу читателя ответить на простой вопрос: характерна ли эта тема для жизни? В ней ли, суть по крайней мере частичка сути нашего бытия? От этого ли мы страда-

смѣ, этимъ-ли мы живемъ? Чему мы можемъ научиться во всей этой канители? Какъ совершенно вѣрно замѣчено, «Любовь» г. Потапенки—это семипарская задачка. Все равно, какъ въ гимназіяхъ пишутъ сочиненія на темы, никому не нужны и никому не интересны для упражненія въ слоги—такъ пишетъ и г. Потапенко. Все равно, какъ люди сидятъ по 10-ти лѣтъ въ архивахъ, ни разу не спросивши себя, къ чему, зачѣмъ, что изъ этого выйдетъ,—такъ сидятъ и г. Потапенко и г. Луговой за своими романами. А, повторяю, что судя по нѣкоторымъ ихъ-же собственнымъ произведеніямъ, они могутъ сочинять дѣйствительно прекрасныя вещи.

Высказавъ откровенно свое мнѣніе, я обязуюсь подробно доказать его. Это тѣмъ болѣе необходимо, что если трудно и не къ чему спорить о значеніи слова «польза»,—то споры о томъ что дѣйствительно полезна и бесполезно могутъ быть очень продолжительны.

Съ какой точки зрѣнія могутъ интересовать меня, напр., муки какой-нибудь добродѣтельной Наташи? Добродѣтельная Наташа очень любила свою канарейку и звала ее Мими. Мими въ одинъ прекрасный день вспорхнула и улетѣла въ раскрытое окно, въ чемъ безъ смягчающихъ обстоятельствъ былъ виноватъ сердцеѣдъ-канарь. Отъ этого самаго обстоятельства, видя такую злостную птичку

П. Скриба

12. 12. 1880